

Борьба Ирана с международным терроризмом

Г.Г. Мачитидзе

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена исследованию взаимосвязи внутренних и внешних аспектов борьбы Ирана с международным терроризмом. Работа состоит из трёх частей. Первый раздел касается осмысления внутренних террористических угроз безопасности Ирана и стратегии борьбы с ними. Выбор иранским религиозно-политическим руководством контртеррористической стратегии обусловлен необходимостью противодействия распространению антишиитской идеологии ИГИЛ¹. Автор подчёркивает, что особенностью борьбы Тегерана с терроризмом является её неотделимость от суннитско-шиитских противоречий и взаимосвязи внутренних и внешних террористических угроз. Во второй части работы рассматривается использование Тегераном шиитской общины Ирака в контртеррористических целях и в интересах укрепления там своего политического влияния. Опираясь на прочные религиозно-культурные связи, иранские власти плотно взаимодействуют с шиитскими военизированными подразделениями. В статье анализируется противоречивое отношение части иракской шиитской общины к Ирану. В третьем разделе показано, что союз с Сирией даёт Ирану опору в противостоянии с возглавляемым Саудовской Аравией блоком. Кроме того, обосновывается, каким образом Иран использует шиитские «добровольческие» отряды для борьбы с террористическими группировками в Сирии. Автор отмечает важную роль ливанской «Хезболлы» в Сирии в качестве действенного элемента противостояния ИГИЛ. Делается вывод о том, что военное поражение в Ираке и Сирийской Арабской Республике не будет означать конец деятельности ИГИЛ как террористической организации, поскольку создана сеть из иностранных боевиков-террористов. Тегеран не ограничивается использованием силового компонента в процессе противостояния террористическим угрозам, а также прибегает к использованию публичной дипломатии, признавая важную значимость роли ООН в борьбе с терроризмом.

Ключевые слова: Иран, международный терроризм, ИГИЛ, суннитско-шиитские противоречия, Ирак, шиитские «добровольческие» отряды, Сирия, ливанская «Хезболла»

УДК: 327.5

Поступила в редакцию: 29.06.2020 г.

Принята к публикации: 10.09.2020 г.

¹ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

Политика национальной безопасности Ирана строится исходя из многих дублирующих, а иногда и конкурирующих факторов, таких как идеология исламской революции в Иране, восприятие угроз режиму и стране, давние иранские национальные интересы и взаимодействие фракций и групп в иранском истеблишменте². Руководство Ирана стремится удержать или помешать усилиям по вторжению или запугиванию Ирана, по смене режима или по исключению Ирана из ближневосточных дел. В то же время Тегеран старается воспользоваться возможностями региональных конфликтов, чтобы усилить своё влияние на Ближнем Востоке, восстановить чувство «величия», напоминающее древние персидские империи, в противовес доминированию арабских стран с суннитскими режимами. Лидеры Ирана постоянно подчёркивают свою принадлежность к развитой цивилизации, а также акцентируют внимание на исторической независимости страны, претендуя на право быть признанной крупнейшей региональной державой (Katzman 2019). Иран оказывает материальную и морально-политическую поддержку союзным правительствам и вооружённым группировкам в регионе, а официальные лица Ирана характеризуют эту поддержку как помощь «угнетённым» народам. Тегеран пытается избавиться от многочисленных санкций, чтобы стать энергетическим и торговым центром в регионе Ближнего и Среднего Востока. Религиозно-политическое руководство Ирана сочетает выступление против любых компромиссов в отношении основных постулатов национальной безопасности Ирана с публичной дипломатией, принимая активное участие в региональных делах. Вместе с тем основные столпы внешней политики Ирана – панисламизм, паншиизм, антизападничество, антиимпериализм, антиссионизм и формирование фронта сопротивления – остаются незыблемыми (Golmohammadi, Vali 2019).

Внутренний аспект

Геостратегическое положение Ирана в непосредственной близости от конфликтных зон в Ираке, Сирии и Афганистане определяет линию религиозно-политического руководства страны в области непримиримой борьбы против терроризма. Последние годы характеризовались в Иране достаточно высоким уровнем террористических угроз как со стороны ИГИЛ, так и других экстремистских группировок. Поэтому особое внимание иранские власти уделяли вопросам противодействия распространяемой ИГИЛ идеологии террора, основанной на диссонирующих религиозных предпосылках. Иранское руководство считает сторонников ИГИЛ суннитскими экстремистами, которые выступают против шиитов в Ираке и алавитов в Сирии, преследуя в недалёком прошлом цель учредить в ближневосточном регионе антишиитское правительство в лице ИГИЛ.

² Iran's Foreign and Defense Policies. 2019. *Congressional Research Service*. 08.10. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44017> (accessed 20.10.2020)

И действительно, руководство ИГИЛ никогда не скрывало своего враждебного отношения к шиитской общине и даже предполагало включить часть иранской территории в состав так называемого «халифата». Изучая проблему выявления потенциальных факторов, интенсифицирующих напряжённость на Ближнем Востоке, многие исследователи склонны считать, что фундаменталистские идеологические учения являются одним из наиболее влиятельных факторов, который приводит к насильственным действиям и попыткам экстремистов распространить подобные идеологии через политизацию религии (Karimi, Cimbura, Loza 2019). В Иране сторонники ИГИЛ распространяли пропагандистские материалы, видео и диски экстремистского содержания. В 2017 г. более 100 граждан Ирана воевали в рядах ИГИЛ в Ираке и Сирии, и некоторые из них в открытую угрожали совершать террористические акты на территории Ирана против гражданского населения и религиозно-политического руководства.

В целях нейтрализации возникающих террористических угроз иранское руководство не один год ведёт борьбу против ИГИЛ, и других экстремистских организаций как у себя в стране, так и на дальних подступах: в Ираке и Сирии. Несколько лет тому назад иранские власти начали предпринимать упреждающие действия для того, чтобы воспрепятствовать приближению ИГИЛ к границам Ирана. За последние годы власти произвели несколько арестов боевиков террористических ячеек. В сентябре 2014 г. иранские спецслужбы арестовали назначенного руководством ИГИЛ эмира по делам Ирана и его помощников³. В тот же период были арестованы несколько сторонников ИГИЛ, пытавшихся проникнуть на территорию Ирана. Были также отмечены попытки организации нападений со стороны иностранных боевиков-террористов, вернувшихся в Иран и являющихся членами «спящих ячеек» ИГИЛ.

В январе 2015 г. сотни иранских курдов, не без ведома иранских властей, перешли ирано-иракскую границу и присоединились к отрядам иракских курдов «Пешмерга» для борьбы с ИГИЛ. В 2016-2017 гг. иранскими силовиками арестованы 70 террористов, нейтрализованы 42 террористические атаки и предотвращено 50 взрывов, из них восемь в Тегеране и Куме, а также три взрыва в провинции Лурестан. Вместе с тем правоохранительным органам Ирана пришлось решать и другую задачу: предотвращение попыток некоторых иранских граждан выехать в конфликтную зону, в Ирак или Сирию, чтобы присоединиться к отрядам ИГИЛ. В общей сложности более 130 иранских граждан стали боевиками ИГИЛ и более 70% из них были убиты в ходе вооружённых столкновений. В то же время правоохранительными органами страны были пресечены попытки почти 1500 иранцев вступить в ряды ИГИЛ, среди которых были и иранские курды-сунниты. Так, одним из полевых командиров в ИГИЛ являлся иранский курд Абу Айша аль-Курди.⁴

³ ISIL Designated Emir for Iran Arrested. 2014. *FARS News Agency*. 21.09. URL: <http://www.irdiplomacy.ir/en/news/1938582/isil-designated-emir-for-iran-arrested/> (accessed 20.10.2020)

⁴ Материалы из личного архива автора.

Предпринимаемые Ираном меры не смогли уберечь территорию страны от террористических атак. С середины 2017 г. террористические угрозы в стране продолжали нарастать. Так, 7 июня 2017 г. в Тегеране было совершено вооружённое нападение на культовые символы Ирана: здание парламента и мавзолей имама Рухоллы Мусави Хомейни. Погибли 16 человек, около 40 ранены. Это был первый случай террористической атаки, совершённой взявшей на себя ответственность ИГИЛ, на иранской земле⁵. Более того, это была первая террористическая атака, совершённая в Тегеране с 1981 г. Как выяснилось в результате расследования, подозреваемые лица оказались завербованными ИГИЛ гражданами Ирана, которые являлись жителями Тегерана, а также западных приграничных провинций: Керманшаха, Курдистана и Западного Азербайджана. Это привело к дебатам в правительстве по поводу тяжёлой социально-экономической ситуации в приграничных провинциях, населённых этническими меньшинствами. 21 июля 2018 г. недалеко от ирано-иракской границы в окрестностях города Мариван в результате нападения боевиков ИГИЛ погибли 10 офицеров Корпуса стражей исламской революции (КСИР). 22 сентября 2018 г. в городе Ахваз были убиты 24 иранца и 60 ранены. В ответ 1 октября 2018 г. КСИР с территории иранской провинции Хузестан нанёс удар шестью баллистическими ракетами малой дальности по позициям ИГИЛ в Абу-Кемале, на востоке Сирии⁶. Ранее в сентябре 2018 г. КСИР атаковал такими же ракетами два расположения Демократической партии Иранского Курдистана и Партии свободной жизни в Курдистане на иракской территории, после нападения оппозиционно настроенных курдов на иранский пограничный блок-пост.

За последние несколько лет в результате террористических актов, совершённых ИГИЛ в Исламской Республике Иран, погиб 41 человек и более 100 получили ранения⁷. 25 сентября 2018 г. иранские спецслужбы арестовали 22 человека, причастных к нападению на участников военного парада в Ахвазе. Было не только обнаружено убежище террористов и захвачено принадлежащее им оружие, но и заявлено о причастности к этому теракту Саудовской Аравии (Chronology... 2019: 122-124). В этот период правоохранные органы Ирана действительно были обеспокоены нарастающими террористическими угрозами, которые, по их мнению, исходят прежде всего от спецслужб Саудовской Аравии, координирующих в той или иной степени деятельность террористов на территории ИРИ. В определённой степени это подтверждается словами бывшего сенатора США Маккейна, который на «Мюнхенской конференции по безо-

⁵ Iran attacks: 'IS' hits parliament and Khomeini mausoleum. 2017. *BBC News*. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-40184641/> (accessed 20.10.2020)

⁶ Frantzman S. 2019. After ISIS: America, Iran and the Struggle for the Middle East. *Tablet*. 11.25. URL: <https://www.tabletmag.com/jewish-news-and-politics/294702/campus-anti-zionism-syrian-refugee> (accessed 20.10.2020)

⁷ Twenty-third report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2368 (2017) concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and associated individuals and entities. 2019. *UN Security Council Committee pursuant to resolutions 1267 (1999)*, section E, Central and South Asia. Paragraph 67, p.18.

пасности – 2014» поблагодарил саудовцев за поддержку сил, борющихся против президента Б. Асада в Сирии⁸.

В начале декабря 2018 г. экстремистская группировка «Джейш аль-Адль» совершила террористический акт в иранском портовом городе Чабахар, в результате которого два человека погибли и 40 получили ранения разной степени тяжести. В 2019 г. новой тенденцией стали нападения на военнослужащих и представителей сил правопорядка в иранской провинции Систан и Белуджистан. 29 января 2019 г. в Захедане, административном центре Систана и Белуджистана, прогремел взрыв, в результате которого трое полицейских получили лёгкие ранения. Ответственность на себя взяла именно «Джейш аль-Адль». Вскоре после этого, 1 февраля, двое боевиков этой же группировки напали на штаб КСИР в городе Никшехр. В результате один человек погиб и пятеро получили ранения. 13 февраля 2019 г. на юго-востоке Ирана в провинции Систан и Белуджистан произошёл очередной теракт. Смертник направил автомобиль, начинённый взрывчаткой, в автобус, на котором по дороге Хаш – Захедан ехали военнослужащие КСИР. Погибли 27 человек, 13 были ранены, причём среди жертв были как военнослужащие, так и мирные жители. С начала 2019 г. это был третий и самый крупный теракт, осуществлённый в отношении иранских военнослужащих в юго-восточной провинции Систан и Белуджистан. Ответственность на себя взяла террористическая группировка «Джейш аль-Адль» («Армия справедливости»), в которую входят белуджские исламисты, исповедующие ислам суннитского толка⁹. В этой связи Совет Безопасности ООН в ходе своего заседания 14 февраля 2019 г. самым решительным образом осудил террористические атаки в Систане и Белуджистане. Члены Совета Безопасности выразили своё глубочайшее сочувствие и соболезнования руководству Ирана и семьям погибших. Члены СБ вновь подтвердили, что терроризм в любой форме представляет собой одну из самых серьёзных угроз международному миру и безопасности. Более того, Совет Безопасности потребовал, чтобы организаторы, финансисты и спонсоры этих террористических группировок были преданы суду¹⁰. В Тегеране полагают, что активные члены этой террористической группировки скрываются на территории соседнего Пакистана.

В целях снижения рисков и угроз безопасности страны иранские власти приложили дополнительные усилия для нейтрализации террористических про-

⁸ Cockburn P. 2014. Iraq crisis: How Saudi Arabia helped Isis take over the north of the country. *The Independent*. 07.13. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/comment/iraq-crisis-how-saudi-arabia-helped-isis-take-over-the-north-of-the-country-9602312.html> (accessed 20.10.2020)

⁹ Группировка была создана в 2012 г. бывшими участниками запрещённой в России экстремистской организации «Джундалла» («Движение народного сопротивления») после того, как в 2010 г. правительственные силы Ирана захватили и казнили лидера «Джундаллы» Абдолмалека Риги.

¹⁰ Statement. 2019. *United Nations Security Council*. 02.14. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/02/1032821> (accessed 20.10.2020)

явлений, исходящих от экстремистских организаций, а также от иностранных боевиков-террористов, возвращающихся в страны их происхождения. В Иране создана целая система предупреждения терактов и усилен контроль на границах. В плане идеологического противостояния распространению терроризма особое внимание также уделяется дальнейшему развитию контрпропаганды против радикализма и насильственного экстремизма на основе шиитского ислама. Иранское религиозно-политическое руководство активно использует термин «такфиристы» (вероотступники) в отношении членов террористических организаций, которые, как правило, являются суннитами. Иранские власти полагают, что терроризм, связанный с вероотступничеством (такфиризм), представляет собой глобальную угрозу, для борьбы с которой в Иране разработана краткосрочная и долгосрочная стратегии. Выявляются способы и методы идеологической обработки и вербовки иранских граждан в ряды террористов. В частности, на 33% это происходит через социальные сети, через друзей и родственников – на 30% и при участии миссионеров-ваххабитов – на 24%. Иранские власти в течение нескольких лет старались адресно контролировать социальные сети и мессенджеры, запрещали Gmail, Instagram, Whatsapp и Facebook, но безуспешно. Одновременно иранцы предупредили власти Ирака и Пакистана, территории которых использовали в качестве убежищ связанные с ИГИЛ иранские курды и группировка «Джейш аль-Адль», о том, что если нападения с территории этих государств продолжатся, то Иран оставляет за собой право на ответный трансграничный удар.

Предполагается, что ИГИЛ и другие радикальные группировки попытаются извлечь выгоду из повышенного уровня антирежимных настроений среди социально и экономически маргинализированных меньшинств в Иране для организации террористических актов. По мере того, как будет усиливаться давление на этнические меньшинства в Иране в плане ограничения их гражданских прав, они станут более уязвимыми с точки зрения воздействия на их сознание экстремистских группировок. Такие сторонники джихада, как ИГИЛ и «Джейш аль-Адль», а также сепаратистские группировки наподобие Партии свободной жизни в Курдистане и Демократической партии Иранского Курдистана могут найти в Иране серьёзную поддержку среди недовольных арабо-суннитского и курдского меньшинств.

Иракский трек

Иранское влияние на общественно-политические круги Ирака уходит своими корнями в период после 2003 г. Многие из известных представителей шиитской общественности Ирака во время правления Саддама Хусейна жили и работали в Иране. После свержения режима Хусейна они вернулись на родину, сохранив связи с представителями иранской иерархической структуры управления. Опираясь на прочные религиозно-культурные связи, иранские власти

плотно взаимодействуют с иракскими политическими партиями, в которых преобладают шииты¹¹ (Alaaldin 2020).

В Ираке шииты, насчитывающие свыше 60% населения страны, до сих пор находятся под прицелом ИГИЛ. Изначально ИГИЛ формировался в основном за счёт бывших сторонников иракской партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения), в первую очередь из военных структур времён Саддама Хусейна, которые по-прежнему находятся в оппозиции к современному шиитскому правительству Ирака. Оказывая содействие официальному Багдаду в борьбе против ИГИЛ и демонстрируя всему региону угрозу, которую ИГИЛ представляет не только для Ирака, но и для всех региональных государств и, особенно, для проживающих в регионе мусульман-шиитов, Иран постепенно расширил своё влияние в соседней стране. В Тегеране не сомневаются, что на Ближнем Востоке ведётся религиозная война против шиитов при участии некоторых арабских стран, которые фактически поддерживают идею ИГИЛ разделить мусульман по узко-конфессиональному признаку, на шиитскую и суннитскую секты. Поэтому не удивительно, что ИГИЛ рассматривает шиитов в качестве своего «ближайшего противника», в то время как США и европейские государства считаются «дальними врагами». Отсюда и приоритетная цель ИГИЛ – уничтожение шиитов, которые в соответствии с мировоззренческими установками игиловцев, не являются мусульманами. Западные эксперты также подтверждают мысль о том, что «Аль-Багдади сделал всё, чтобы увеличить пропасть между шиитами и суннитами на Ближнем Востоке, подогревая новую региональную “холодную войну” между суннитской Саудовской Аравией и шиитским Ираном» (Gerges 2014). Хотя существует и другая точка зрения, с которой, правда, трудно согласиться. В частности, некоторые западные исследователи уверены, что «Иран несёт значительную долю ответственности за возникновение ИГИЛ, пытаясь в течение десятилетия подорвать стабильность в Ираке, атакуя американские войска и мусульман-суннитов, толкнув тем самым последних в объятия ИГИЛ»¹². Кстати, в данном случае не лишним было бы вспомнить и утверждение духовного лидера Ирана Аятоллы Али Хаменеи о том, что представители США связывались с иранским посольством в Багдаде, попросив организовать встречу для обсуждения вопросов сотрудничества с Тегераном против ИГИЛ. Однако А. Хаменеи посчитал неуместным сотрудничать со страной, «чьи руки испачканы, а намерения – туманны»¹³.

¹¹ Alaaldin F. 2020. Iran's Powerful Influence In Iraq. *National Public Radio*. Michel Martin speaks with Farhad Alaaldin, chairman of the Iraq Advisory Council, about how Iran became so influential in Iraqi politics. 04.01. URL: <https://www.npr.org/2020/01/04/793662756/iran-s-powerful-influence-in-iraq> (accessed 20.10.2020).

¹² Weiss M., Pregent M. 2015. Iran's Role in the Fight against Islamic State: Not a Help But a Hindrance. *Mosaic*. 04.02. URL: <https://mosaicmagazine.com/picks/politics-current-affairs/2015/02/irans-role-in-the-fight-against-islamic-state-not-a-help-but-a-hindrance/> (accessed 20.10.2020)

¹³ Jason S., Mehrdad B. 2014. Iran supreme leader spurns U.S. overture to fight Islamic State. *Yahoo News Singapore*. 15.09. URL: <https://sg.news.yahoo.com/french-jets-begin-iraq-reconnaissance-flights-07444422.html/> (accessed 20.10.2020)

В достаточно взрывоопасном шиитско-суннитском противостоянии Иран, по просьбе иракской стороны поддержал иракские военно-воздушные силы и занялся формированием «добровольческих» наземных сил. Одним из ключевых игроков в кампании по борьбе с ИГИЛ стали «Народные мобилизационные силы» (НМС), которые представляют собой свободную коалицию групп лояльных или иракским религиозно-политическим лидерам, или иранскому КСИР. Воспользовавшись изданным в 2014 г. духовным лидером шиитов Великим аятоллой Али Систани религиозным эдиктом для борьбы с ИГИЛ, Тегеран объединил под эгидой КСИР известные шиитские военизированные формирования «Бригады Бадра» и иракскую «Катаиб Хезболлу» с НМС. Расширяя своё влияние в Ираке, иранцы сотрудничают и с движением «Фатх», которое возглавляет радикальный шиитский деятель Хади аль-Амери. Однако не все шиитские группировки согласны с той ролью, которую Иран играет в Ираке. Так, влиятельный шиитский религиозный деятель Хуссейн Ширази, который имеет многочисленных сторонников в шиитских общинах на Ближнем Востоке, открыто критикует иранскую религиозно-политическую систему. Весьма популярным националистически настроенным религиозным деятелем среди иракских шиитов является Муктада аль-Садр, который критикует как Иран, так и США¹⁴.

В 2019 г. военно-политическая обстановка в стране стала обостряться, возросла угроза нападений проиранских шиитских формирований на коалиционные силы в Ираке, что привело к ответным действиям со стороны США. В связи с ухудшением социально-экономического положения, ростом безработицы и масштабной коррупцией чиновников начались массовые антиправительственные протесты, в ходе которых прозвучали требования прекратить фактическую оккупацию страны Ираном. На фоне обеспокоенности Багдада в связи с возможным превращением Ирака в поле битвы между Ираном и Соединёнными Штатами премьер-министр Адель Абдул Махди летом 2019 г. распорядился интегрировать проиранские НМС в иракские вооружённые силы. Анализ подобного шага иракской стороны в отношении своего верного союзника Ирана приводит к разноплановым выводам. С одной стороны, можно предположить, что включение НМС в состав иракских вооружённых сил ограничит Тегерану поле для манёвра и соответственно для продвижения своих интересов в соседней стране. Однако, несмотря на напряжённые ирано-американские отношения и давление на иракское правительство со стороны Вашингтона, интеграция НМС в иракскую армию расценивается иранцами как придание им нового более легитимного статуса и не связана с попыткой ограничить их роль.

Нападение сторонников проиранских сил на посольство США в Багдаде и последующее убийство в результате американского ракетного удара иранского генерала, командующего силами специального назначения «Кудс» Касе-

¹⁴ Is Iranian Influence in Iraq Waning? 2019. *Fanack*. 02.09. URL: https://fanack.com/iraq/history-past-to-present/iranian-influence-in-iraq/?gclid=EAlaIqobChMI-K7ZjcSw5wIvWawYCh0JcQIPEAAAYASAAEgIxDfD_BwE/ (accessed 20.10.2020)

ма Сулеймани, не оказало сдерживающего воздействия на военизированные шиитские формирования. Протестные акции в Ираке с требованиями вывода американских войск из страны, сопровождаемые ракетными обстрелами территории посольства США в Багдаде, продолжились, поэтому ситуация в области безопасности остаётся напряжённой. В этой связи следует констатировать, что влияние Ирана в Ираке, во всяком случае пока, не ослабевает. Вместе с тем вызывает опасения дальнейшая деградация обстановки в Ираке, что объективно на руку членам ИГИЛ, которые могут перемещаться в регионе, вовлекать в свои ряды новых сторонников, создавать «спящие ячейки».

Сирийский угол

Сирийско-иранское сотрудничество продолжается уже несколько десятилетий. В его основе лежит общность позиций по ключевым проблемам Ближнего Востока (The Role... 2007). Поэтому важный фронт активной борьбы Тегерана с ИГИЛ был сформирован и в Сирии. Иранское религиозно-политическое руководство имеет давние тесные взаимоотношения с Дамаском и непосредственно с президентом Б. Асадом. С начального этапа войны в Сирии в 2011 г. Иран оказал сирийскому правительству беспрецедентную политическую, финансовую, информационную и военную помощь. Тегеран направил в Сирию 2500 военнослужащих КСИР¹⁵. С одной стороны, союз с Сирией даёт Ирану опору в противостоянии с возглавляемым Саудовской Аравией блоком, который поддерживает вооружённую сирийскую оппозицию. С другой, иранцы совместно с сирийскими правительственными войсками противостоят ИГИЛ, используя наземные силы. Иранский КСИР мобилизует афганских и пакистанских мусульман-шиитов для участия в боевых действиях против террористических группировок на стороне сирийской правительственной армии в составе дивизий «Фатемиян» и «Зайнабиян». Иранский план изначально, начиная с 2012 г., предусматривал создание из числа мусульман-шиитов 50-тысячной армии, состоящей из более или менее подготовленных бойцов¹⁶. Однако полностью реализовать подобный план в силу сложностей материального и логистического порядка Тегерану не удалось. В частности, оценки численности дивизии «Фатемиян» колеблются от десяти до двадцати тысяч. Вербуют шиитов прежде всего из числа афганских беженцев в Иране и среди афганских хазарейцев в Афганистане, а также в шиитской среде Пакистана и Ливана. В настоящее время только в Иране насчитывается свыше 2,5 млн афганских беженцев, из которых лишь 950 тыс. официально зарегистрированы. КСИР привлекает к сотрудничеству мужчин из крайне нуждающихся семей афганских беженцев, проживающих в районе иранских

¹⁵ Hubbard B., Kershner I., Barnard A. 2018. Iran, Deeply in Syria, Expands Axis of Resistance. *New York Times*. 19.02. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/19/world/middleeast/iran-syria-israel.html/> (accessed 20.10.2020)

¹⁶ Sahraei F. 2016. Syria war: The Afghans sent by Iran to fight for Assad. *BBC News Persian*. 15. 04. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-36035095/> (accessed 20.10.2020)

городов Кум и Мешхед. Большая часть завербованных бойцов готова ехать в Сирию по материальным соображениям, а также в связи с возможностью получения иранского гражданства. Другие соглашаются на сотрудничество под давлением иранских правоохранительных органов, чтобы не попасть в тюрьму или быть депортированным. Однако есть и те, особенно среди молодёжи, которые направляются в Сирию защищать шиитские святыни, в частности гробницу внуки пророка Мухаммеда Зайнаб. Завербованных афганских шиитов специальными чартерными авиарейсами отправляют в Сирию. Схожая активность иранских спецслужб наблюдается и на территории Афганистана, где афганцам предлагают ежемесячную зарплату в размере около 500 долл. США¹⁷ и обещают после возвращения предоставить иранское гражданство. Завербованные афганские беженцы и афганские шииты, в основном хазарейцы, проходят в тренировочных лагерях КСИР специальный курс военной подготовки, включая умение использовать бронетехнику, вести разведку и применять партизанскую тактику боя. Отдельно готовят снайперов, которые получают зарплату в два раза больше, чем другие бойцы.

Немаловажную роль в борьбе с террористическими группировками на территории Сирии играет проиранская ливанская военизированная шиитская организация и политическая партия «Хезболла». Первоначальная миссия ливанской «Хезболлы» заключалась в защите ливано-сирийской границы с обеих сторон. Организация участвовала в боях против ИГИЛ в районе сирийского города Эль-Кусайр и ливанского города Арсаль. Военно-политическими целями ливанской «Хезболлы» в Сирии являются: обеспечение выживания правительства Б. Асада; расширение влияния «Хезболлы»; сопротивление распространению влияния суннитских салафитских и джихадистских группировок; защита шиитских общин; противостояние Израилю и США. Подразделения ливанской «Хезболлы» в Сирии насчитывают от семи до десяти тысяч бойцов, которые хорошо организованы и вооружены, и действуют под командованием подразделения специального назначения «Кудс» КСИР. Военные эксперты считают ливанскую «Хезболлу» наиболее подготовленной, хорошо вооружённой и организованной группировкой в регионе. В Сирии подразделения ливанской «Хезболлы» улучшили свою оперативно-тактическую подготовку и боевые навыки, обладая впечатляющим арсеналом: управляемыми ракетами, вооружёнными беспилотниками, баллистическими ракетами малой дальности, противотанковыми управляемыми ракетами, переносными противотанковыми управляемыми ракетами, танками Т-72, боевыми беспилотными летательными аппаратами и ракетами «Катюша»¹⁸. Более того, ливанская «Хезболла» также вошла в меж-

¹⁷ Rasmussen S.E., Nader Z. 2016. Iran covertly recruits Afghan soldiers to fight in Syria. *The Guardian*. 30.06. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/30/iran-covertly-recruits-afghan-soldiers-to-fight-in-syria/> (accessed 20.10.2020)

¹⁸ Jones S.G. 2018. The Escalating Conflict with Hezbollah in Syria. *Center for Strategic & International Studies*. 20.07. URL: <https://www.csis.org/analysis/escalating-conflict-hezbollah-syria> (accessed 20.10.2020)

дународно-региональный круг в Сирии как действенный элемент противостояния ИГИЛ. Иран совместно с формированиями ливанской «Хезболлы» сделал многое для обеспечения безопасности в окрестностях Дамаска¹⁹. Приоритетной задачей ливанской «Хезболлы» является также организация и руководство другими шиитскими подразделениями для обеспечения контроля над сирийско-иракской границей, что проявилось в Дейрэз-Зоре и особенно в Абу-Камале. Ливанская «Хезболла» также оказывает содействие КСИР в военной подготовке иракских, сирийских, пакистанских и афганских шиитов. Тем самым, можно утверждать, что роль ливанской «Хезболлы» за годы войны в Сирии значительно возросла, группировка перестала ограничиваться рамками локальной милиции.

Что касается более широкой региональной угрозы ИГИЛ, то учитывая длительное военное давление на эту террористическую организацию, боеспособность группировки значительно снижена. Однако, чтобы успехи, достигнутые в борьбе с ИГИЛ, были устойчивыми, необходимо политическое решение конфликта. Вместе с тем в Тегеране вынуждены констатировать, что военное поражение в Ираке и Сирийской Арабской Республике не будет означать конец деятельности ИГИЛ как террористической организации, поскольку группировка создала сеть из числа иностранных боевиков-террористов, что предполагает продолжение борьбы с ИГИЛ.

Нельзя не отметить, что Тегеран не ограничивается использованием силового компонента в процессе противостояния террористическим угрозам. В 2013 г. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН под названием «Мир вне насилия и экстремизма» была инициирована Ираном. В сентябре 2015 г. Россия объединила усилия с Сирией, Ираном и Ираком для координации борьбы с ИГИЛ. Основными функциями созданного в Багдаде информационного центра стали сбор, обработка, обобщение и анализ текущих данных об обстановке на Ближнем Востоке в контексте борьбы с террористами. Одной из основ реализации этой коалиции было отработка совместной позиции сторон в противодействии религиозному фундаментализму, терроризму и террористическим организациям. Взаимодействие Ирана с Россией по стратегическим вопросам является очевидным примером опыта эффективного сотрудничества в управлении региональными кризисами. Иранская сторона придаёт важное значение дипломатическим шагам по урегулированию ситуации в Сирии, участвуя с 2017 г. в качестве страны-гаранта в Астанинском процессе, который дополняет Женевский процесс, и оба призваны обеспечить мирное и стабильное разрешение сирийского конфликта. Иранские власти подтверждают значимость роли ООН в усилиях по противодействию условиям, благоприятствующим распространению терроризма, подчёркивают важность укрепления отношений между

¹⁹ Friedmann H.G. 2018. Iran and Hezbollah in Syria: U.S. Policy Options. *The Washington Institute for Near East Policy*. Testimony submitted to the House Foreign Affairs Subcommittee on Middle East and North Africa. 27.09. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/iran-and-hezbollah-in-syria-u.s.-policy-options/> (accessed 20.10.2020)

правоохранительными органами разных стран в плане обмена информацией и совместной работы в целях достижения понимания конкретной природы террористических угроз. Однако в целом в контртеррористической деятельности иранских властей и далее будет наблюдаться тренд в сторону максимального использования силового компонента с опорой на шиитские общины региональных государств, тем более что население Ирана в данном вопросе в своём большинстве поддерживает политику правительства.

Иран, будучи крупной и влиятельной региональной державой на Большом Ближнем Востоке, не мог не оказаться в первых рядах международных участников антитеррористической борьбы. Причём, волею судьбы, Тегерану приходится оказывать противодействие террористическим угрозам как у себя в стране, так и на внешнем фронте, в Ираке и Сирии. Особенностью борьбы Тегерана с терроризмом является её неотделимость от суннитско-шиитских противоречий. Сторонников ИГИЛ, от которых исходит террористическая угроза, в Иране называют суннитскими экстремистами и вероотступниками. Контрпропаганда против радикализма и насильственного экстремизма строится в Иране на базе шиитского направления в исламе из-за опасений идеологического влияния стран Персидского залива. В Иране в среде конфессионального меньшинства развивается суннитский экстремизм против шиитского религиозно-политического режима. Вместе с тем давление на суннитов в Иране, которые составляют приблизительно 10% населения страны, наряду с фактором внешнего влияния, создало благоприятную почву для активизации террористической деятельности на территории страны группировки «Джейш аль-Адль», боевики которой зачастую действуют с приграничных территорий. Под влияние ИГИЛ попадают и некоторые сторонники курдских политических партий в Иране. Нарастание террористических угроз в стране, вынуждает иранские власти уделять особое внимание вопросам противодействия идеологии ИГИЛ. В Иране создана целая система предупреждения терактов и усилен контроль на границах. В плане идеологического противостояния распространению терроризма особое внимание также уделяется дальнейшему развитию контрпропаганды против радикализма и насильственного экстремизма на основе шиитского ислама. Под жёстким контролем в Иране находятся религиозные общеобразовательные учреждения.

Участие Ирана в процессе урегулирования конфликтов в Ираке и Сирии является важным фактором устранения террористических угроз со стороны ИГИЛ в регионе. Быстрая помощь Тегерана способствовала возрождению морального духа иракской армии. Иран помог Багдаду сформировать добровольческие силы народного ополчения, осуществлял инструктаж вооружённых сил. В Сирии иранцы занимались подготовкой сирийских вооружённых сил, мобилизацией, обучением и организацией добровольческих отрядов для борьбы с террористическими группировками. Вместе с тем возвращение иностранных боевиков-террористов иранского происхождения на родину может стать одним из факторов роста террористической активности, в том числе и

транснациональной. Иностранные боевики-террористы будут способствовать радикализации определённой, прежде всего молодой, недовольной социально-экономическими условиями жизни, части населения Ирана, пополняя ряды террористических группировок. Кроме того, Ирану приходится учитывать взаимосвязь внешних и внутренних террористических угроз. Тегеран продолжает воспринимать ИГИЛ в качестве дестабилизирующего фактора в Ближневосточном регионе, катализирующего региональные противоречия. В ближайшей перспективе борьба Ирана с терроризмом на Большом Ближнем Востоке будет являться важным элементом региональной безопасности.

Об авторе:

Георгий Григорьевич Мачитидзе – кандидат исторических наук, аналитик Института международных исследований, МГИМО. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: mggkabal@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: June 29, 2020
Accepted: October 09, 2020

Iran's Fight against International Terrorism

G.G. Machitidze
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-252-265](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-252-265)

Moscow State Institute of International Relations (university)

Abstract: The article analyzes the reasons that prompted the Arab states to consolidate their efforts and create the League of Arab States. Attention is focused on the deep differences that existed between the states that came forward with the idea of strengthening Arab unity and determined the nature of this regional organization and the features of its charter, which provided its members with the opportunity to preserve their political system, sovereignty and the specifics of foreign policy.

The heterogeneous nature of LAS had an impact on its the goals and objectives. The focus of this organization was to protect pan-Arab interests and support all Arab states in achieving political independence.

The aggravation of the situation in Palestine after the Second World War became a central item on the agenda of all the Arab League meetings. This organization indicated its position on the Palestinian issue in the preparatory period for its official proclamation. The article discusses the activities of the Arab League, aimed at introducing a complete boycott of Israel, which, amid expansion of the Arab League, other Arab states also joined. The Arab-Israeli conflict, due to the targeted efforts of the Arab League, consolidated the Arab geopolitical community and contributed to the formation of a national Arab identity. The LAS in its

documents built a common Arab narrative, having two underpinnings: the recognition of the Palestinian Arab people as a victim of the Western powers and Zionists, as well as foreign policy of Israel.

The article traces the relationship between the activities of the Arab League and the changes that have occurred in the regional and international environment. The gradual transition of the Arab League to the search for a political settlement maintain Arab unity by using the traditional tool – the unresolved Arab-Israeli conflict. The LAS member-states should have taken a pan-Arab stance on the settlement of the Arab-Israeli conflict in order to preserve national identity. The refusal of all Arab League members to accept the American settlement plan, proposed by D. Trump administration in early 2020, was a confirmation that this regional organization retains its position as a defender of Arab unity and pan-Arab interests.

Keywords: Iran, international terrorism, ISIL, Sunni-Shiite contradictions, Iraq, Shiite "volunteer" units, Syria, Lebanese Hezbollah

About the author:

Georgy G. Machitidze – Candidate of History, analyst of Institute for International Studies MGIMO-University. Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: mggkabal@gmail.com

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Chronology: Iran Anonymous. 2020. *Middle East Journal*. 73(1). P. 122-124.
- Gerges F.A. 2014. ISIS and the Third Wave of Jihadism. *Current History*. 113(767). P. 339–343. DOI: 0.1525/curh.2014.113.767.339. URL: http://currenthistory.com/Gerges_Current_History.pdf/ (accessed 20.10.2020)
- Golmohammadi V. 2019. The Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran: Prospects for Change and Continuity. *All Azimuth*. 8(1). P. 93-102. DOI: 10.20991/allazimuth.459943
- Karimi Y., Cimbura A., Loza W. 2019. Assessing the Prevalence of Middle Eastern Extreme Ideologies among some Iranians. *Journal of Strategic Security*. 12(3). DOI: 10.5038/1944-0472.12.3.1719
- Katzman K. 2019. Iran's Foreign And Defense Policies. *Current Politics and Economics of the Middle East*. 10(2). 63 p.
- Rol' i mesto Irana v regione* [The Role and the Place of Iran in the Region]. 2007. Otv. redaktery: N.M. Mamedova, M. Imanipur. Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies, Collection of Articles. Moscow. 207 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Роль и место Ирана в регионе*. 2007. Оtv. редакторы: Н.М. Мамедова, М. Иманипур. Российская Академия Наук. Институт востоковедения. Москва. 207 p.